

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века / A Subject out of Supervision in Russian Biographies of the XIXth Century |

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

*Частное образовательное учреждение высшего образования Центросоюза РФ
«Сибирский университет потребительской кооперации», Новосибирск, Россия
Профессор кафедры философии, истории и права, доктор философских наук*

*Siberian University of Consumer Cooperation, Novosibirsk, Russia
Department of Philosophy, History and Law,
Professor, Doctor of Science in Philosophy
larsandr@mail.ru*

СУБЪЕКТ ВНЕ НАДЗОРА В РУССКИХ БИОГРАФИЯХ XIX ВЕКА

Биография является характерной для культуры Модерна формой репрезентации и признания ценности автономной личности. Одним из важных атрибутов дискурса личности Модерна является негативная идентичность – способность отличать себя от окружающих условий и отрицание власти традиционно-патерналистских инстанций. В русских биографиях середины XIX века появление негативной саморепрезентации субъекта связано с социокультурным кризисом и формированием новых социальных ролей, не соответствующих сословно-профессиональной структуре общества. Примером новой роли, отраженной в биографических текстах, является роль коммуникативного центра, наделенная коннотациями нравственного противостояния социальному порядку. Негативная идентичность реализуется в противопоставлении трансгрессивного поведения целостной личности нормам светской культуры. Отрицание патерналистского надзора над личностью рассмотрено на примере «репрессивных биографий» и поведенческих экспериментов, отраженных в биографических документах. В тех и других используются стратегии фиктивной саморепрезентации и открытого заявления о своей непроницаемости для надзора.

Ключевые слова: субъект, личность, идентичность, саморепрезентация, эго-документ, аскриптивная роль, патернализм, модерн, традиция, репрессивная биография, перформативная функция.

A SUBJECT OUT OF SUPERVISION IN RUSSIAN BIOGRAPHIES OF THE XIXth CENTURY

Biography is a typical form of representation and acceptance of the autonomous person's value in the culture of Modern. One of the most important structural attributes of the Modern personality discourse is a negative identity – ability to distinguish himself from the surrounding conditions and the denial of power of traditionally-paternalistic authority. The emergence of negative self-presentation in Russian biographies of the mid-nineteenth century is associated with the socio-cultural crisis and the formation of new social roles, nonconforming to caste-occupational structure of society. A case of new role reflected in the biographical texts is the communication center, endowed with connotations of moral opposition to the social order. Negative identity is realized in the opposition of transgressive behavior of the whole personality to the norms of secular culture. Denial of paternalistic supervision over the personality is considered on the case of "repressive biographies" and behavioral experiments, as reflected in the biographical documents. Those and others use strategies of false self-representation and open-ended statement about self-impenetrability for supervision.

Key words: subject, person, identity, self-representation, ego-document, ascriptive role, paternalism, Modern, tradition, repressive biography, performative function.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века / A Subject out of Supervision in Russian Biographies of the XIXth Century |

Важной составляющей субъективной позиции человека в обществе Модерна является то, что можно назвать *негативной идентичностью* – способностью отличать себя от окружающих условий, дистанцироваться от своей социально-ролевой определенности и природной обусловленности. Если в традиционных культурах человек обнажен перед внешним взглядом – отца, господина, общины или сакрального псевдосубъекта, между его самоидентичностью и тем, как его видят другие, практически нет зазора, то человек в культуре Модерна обнаруживает свое неравенство не только взгляду другого, но и самого себя – его интроспекция неисчерпаема.

Негативная идентичность не отрицает позитивного отождествления человека с социальными ролями, освоения культурных форм и выражения себя в них. Напротив, она является необходимым условием того, что человек присваивает себе роли и внешние формы, превращает их в свои объективации, а не отчуждается в них. Процедура негации обеспечивает автономию и нравственную ответственность личности, которая, двигаясь через ряд отрицаний, приходит к тавтологии самотождественности и самополагания.

Апофатическая идентичность закрепляется в семантике ключевых понятий Модерна, описывающих позицию индивида, – *субъекта* и *личности*. Новоевропейский субъект как эпистемологическая позиция отличается от прежнего субъекта как «подлежащего» тем, что приобретает способность мыслить от первого лица и трансцендентность по отношению к миру объектов, что проявляется в утверждении его непротяженности, интеллектуальной интуиции и самосознании. Концепт личности как психосоциальная характеристика индивида предполагает дистанцию между внутренней субстанцией личности и ее внешними обстоятельствами и воплощениями как театральными декорациями и амплуа. Утверждение этой дистанции восходит к христианской концепции боговоплощения, но в культуре Модерна это свойство становится

достоянием каждого индивида, а не одного богочеловека.

При этом трансцендентность внешним условиям имеет не онтологический, а деонтический, ценностный характер – она существует в культуре в качестве регулятивной идеи. Философская и научная рефлексия Модерна и Постмодерна, в свою очередь, направлена на выявление внешних детерминант субъекта: с одной стороны, физиология и психология раскрывает его зависимость от биологической организации и бессознательных механизмов психики; с другой – социальная философия рассматривает личность как совокупность общественных отношений, продукт действия анонимно-абстрактных социокультурных институтов.

Однако это «обнажение» пределов и внешних факторов и есть результат пристального внимания к субъективному миру индивида, остающемуся упрямой, загадочной, в то же время очевидной и неизбежной данностью. Новоевропейское понятие культуры обозначает, среди прочего, практику самоформирования личности, предполагающую то, что индивид интериоризирует внешние, объективные формы социальной жизни во внутренние субъективные убеждения и мотивы и в своем поведении исходит именно из них. Поэтому необходимо целенаправленно формировать «культуру личности», полагая, что она не формируется автоматически, что между внешней культурной формой и внутренним складом души возможен разрыв. В художественной культуре Модерна со времени романтизма декларируется трансцендентность личности автора как неисчерпаемого источника новых форм, разрушающего устоявшиеся границы эстетического. Герой романа (главной литературной формы Модерна), по словам М. М. Бахтина, никогда не отвердевает в каком-либо статусе, не закрепляется в одном месте социального пространства: «Человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности. Он не

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века / A Subject out of Supervision in Russian Biographies of the XIXth Century |

может стать весь и до конца чиновником, помещиком, купцом, женихом, ревнивцем, отцом и т.п.»¹.

Таким образом, субъективизация как один из фундаментальных элементов Модерна и процесса модернизации предполагает такую репрезентацию индивида, которая отрицает его соответствие взгляду, в первую очередь, со стороны аскриптивных требований традиции и патерналистских инстанций власти. В ответ на вопрос-требование: «Ты такой, каким я тебя знаю» субъект дает отрицательный ответ и репрезентирует свою самость как нечто избыточное, новое, иное.

В данной статье рассматривается вопрос о том, как в русских биографиях XIX века осуществляется отрицание контролирующих, ограничивающих определений со стороны традиционных, патерналистских структур и в ответ на них репрезентируется альтернативная трансгрессивная самость индивида.

Но в первую очередь следует обосновать выбор объекта и хронологических рамок: почему русские биографии XIX века?

Особое место в культуре Модерна занимают эгодокументальные жанры – дневники, письма, биографии, мемуары, отражающие ценность субъективного переживания и отражения исторического процесса. Реальный индивид, в отличие от фикционального субъекта художественной литературы, становится событием, достойным репрезентации публике. Как отмечал Ю. Хабермас, эгодокументы «являются не сообщениями и утверждениями, делаемыми с позиции наблюдателя, и не наблюдениями над собой, но заинтересованными саморепрезентациями, благодаря которым получает оправдание сложное требование vis-a-vis к аудитории: требование признания незаменимой эго-идентичности, проявляющей себя в сознательно устраиваемой жизни»².

Биография, по словам Б. В. Дубина, является общественной необходимостью Модерна, так как она «как регулятивная модель индивидуального свершения не только ставит под вопрос традиционные, родовые формы предписанного жизненного пути, но и наново, в нормативном порядке, закрепляет пересмотренные границы идентичности в качестве высокозначимого и общедоступного образца для социальных новичков и – теперь уже – *любого* человека»³. Иными словами, биография представляет жизнь субъекта как поле его свободы, указывая на давление аскриптивных институтов (семьи, рода, сословия) и условий социальной среды как на силу, которую нужно преодолеть и противопоставить ей автономную идентичность и непредзаданность жизненного пути.

В России к середине XIX века жанр биографии как целостной, эстетически организованной репрезентации субъекта приобретает чрезвычайную популярность и, вместе с тем, испытывает серьезную трансформацию. Новые герои биографических описаний, новое отношение к биографическому материалу, новые способы организации текста и представления ценности субъекта рождаются в противопоставлении привычным для первой половины столетия «ролевым» жизнеописаниям, описывающим жизнь человека по нормативным рубрикам и риторическим формулам⁴.

В качестве причин этого процесса выделим ряд факторов. Во-первых, в 1830-40-е годы в русской культуре формируется модернистский дискурс личности – автономной, целостной, уникальной самости, противопоставляющей себя существующему социальному порядку и ориентирован-

¹ Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 479.

² Хабермас Ю. Понятие индивидуальности // Вопросы философии. 1989. № 2. С. 38.

³ Дубин Б. В. Биография, репутация, анкета (О формах интеграции опыта в письменной культуре) // Дубин Б. В. Слово – письмо – литература. М., 2001. С. 101.

⁴ Калугин Д. Искусство биографии: изображение личности и ее оправдание в русских жизнеописаниях середины XIX века // Новое литературное обозрение. 2008. № 91.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века / A Subject out of Supervision in Russian Biographies of the XIXth Century |

ной на активное социальное действие⁵. Во-вторых, в середине столетия в русском обществе происходит кризис, вызванный поражением в Крымской войне, осознанием необходимости коренного реформирования общества, дискредитацией доминировавшей дворянской культуры. В-третьих, на сцену социального пространства выходит новый актер – разночинная молодежь, заинтересованная в легитимации новых жизненных траекторий и ценностей, использующая для этого модернистский дискурс личности и нигилистическую критику господствующей культуры. Биография в этом контексте становится средством демонстрации ограниченности принятых шкал и рамок оценивания индивида и пространством напряженной разработки новых методов раскрытия и признания личности.

Прежде всего, героями биографических текстов и мемуарной литературы становятся люди, значимость которых не могла быть измерена и оценена с помощью традиционных «порядков величия». Их деятельность не укладывалась в принятые сословно-профессиональные ниши или героические образцы. Как правило, новые методы репрезентации использовались в биографиях представителей литературного труда, который именно в это время приобрел характер социально значимой деятельности (в отличие от снисходительного отношения к литературным занятиям в пушкинскую эпоху), но это могли быть и лидеры неформальных «кружков» 1840-х годов политического или интеллектуального толка. В принципе речь идет об одном и том же коммуникативном пространстве, которое через несколько лет получит название «интеллигенция», и об одних и тех же социально-коммуникативных функциях – быть посредником в обмене идей и идеологий, связывать между собой интеллектуальные направления, литературу и жизнь, объединять удаленные социально или географически группы в образованную публику. Для

репрезентации данных ролей разрабатывались и новые критерии оценки их игры, исходящие из представления об автономной, целостной и динамической личности.

Значимость фигуры поэта и философа Н. В. Станкевича в описании П. В. Анненкова не может быть определена с помощью принятых порядков оценки человека по закрытым сословно-профессиональным нишам и деятельности в пределах этих ниш. Станкевич, не оставивший после себя значительных текстов, по мысли биографа, представлял собой значимую фигуру самой своей личностью и ее нравственным влиянием на других людей: «Гораздо важнее литературной деятельности Станкевича было его сердце и его мысль... На высокой степени нравственного развития личность и характер человека равняются положительному труду и последствиями своими ему несколько не уступают»⁶. «Положительный труд» Станкевича заключался в нравственном воздействии на окружающих в процессе неформализованной коммуникации, в результате которой каждый, кто попадал в орбиту его действия, становился «хоть на мгновение выше себя».

Подобную оценку интеллектуального и нравственного влияния, противопоставленного исполнению профессиональной роли, видим в воспоминаниях К. Д. Кавелина о В. Г. Белинском: «Учил он меня плохо. Задавал по книжке, выслушивал рассеянно, без дополнений и пояснений, и, наконец, предоставил меня собственной судьбе, говоря, что я юноша умный и с учебником справлюсь сам. Но насколько он был плохой педагог, мало знающий предмет, которому учил, настолько он благотворно действовал на меня возбуждением умственной деятельности, умственных интересов, уважения и любви к знанию и нравственным принципам»⁷.

⁶ Анненков П. В. Николай Владимирович Станкевич: переписка его и биография. Воронеж, 2013. С. 26–27.

⁷ Кавелин В. Г. Воспоминания о Белинском // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977. С. 169.

⁵ Иванов А. А. Репрезентация субъективности в культуре русской интеллигенции XIX века. Комсомольск-на-Амуре, 2016.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века / A Subject out of Supervision in Russian Biographies of the XIXth Century |

На интеллектуальное и нравственное развитие одного человека другой человек может повлиять не через исполнение узкопрофессиональных обязанностей, предполагающих субъект-объектную направленность, а посредством неформального личностного общения, учитывающего самостоятельность каждого его участника. Значимой оказывается не практическая функция, но открытая коммуникация и, словами Станкевича, «энергия личности». Это утверждение ценности личности и свободного межличностного общения вне утвержденных ролевых границ отражает распространявшееся в социальном пространстве сомнение в действенности и легитимности сложившихся сословно-профессиональных разделений. В противовес последним в культурном пространстве, в том числе, благодаря биографическим текстам, оформляется новая роль коммуникативного центра.

Исполнением этой роли наделяет А. И. Герцен своего друга, поэта Н. П. Огарева в «Былом и думах». Герцен прямо противопоставляет роль коммуникатора разрозненным секторам профессионально-сословных образцов: «Чиновники знают только гражданские и уголовные дела, купец считает своим делом одну торговлю, военные называют делом шагать по-журавлиному и вооружаться с ног до головы в мирное время. По моему, служить связью, центром целого круга людей – огромное дело, особенно в обществе разобщенном и скованном»⁸.

Новые ценности общения и самовыражения личности вступают в конфликт с нормами светской коммуникации и дворянского поведения. Канон светского поведения дворянина включал обязательное самообладание – умение скрывать внутренние чувства и носить маску бесстрастной иронии. Телесные, физиономические проявления были подчинены жесткой театрализованной кодификации и должны были создавать впечатление дисциплинированной, непроницаемой чувственности. В формирующемся дискурсе личности такое поведе-

ние стало называться «фразерством», альтернативой которому становится искренность и целостность внутренних содержаний и внешних проявлений человека.

Видимо, одним из первых биографических образцов целостного самовыражения, поставленного во «враждебное окружение» светской театральности, был В. Г. Белинский – разночинец, добившийся славы и авторитета литературного критика и оказавшийся в кругах московского и петербургского высшего сословия. В мемуарной литературе часто упоминается несоответствие личности Белинского канонам дворянской культуры поведения. Этот действительный факт самовосприятия Белинского, остро переживавшего за свою светскую несостоятельность, становится в руках биографов знаком новой нормы искренности.

Можно выделить ряд наиболее общих приемов репрезентации конфликта между искренностью и светскостью в биографических описаниях Белинского. Во-первых, показывается взгляд со стороны условной светской нормы, который впоследствии раскрывается как неверный, поверхностный, не способный уловить внутреннюю суть личности героя: «Кто видел его только на улице, – пишет Тургенев, – когда он торопливой и неровной походкой пробирался вдоль стен и с пугливой суровостью, свойственной нервическим людям, озирался вокруг, – тот не мог составить себе верного о нем понятия»⁹. Тем не менее, неверная оценка становится своеобразной негативной рамкой измерения масштаба личности, ее ошибочность показательна и характерна. Во-вторых, подробно фиксируются телесные подробности поведения Белинского, передающие образ экспрессивного, некодифицированного тела – опять же в контрасте со светской телесной дисциплиной: ««Лицо его подергивалось судорогами... и всегда подверженный одышке, он тут же начинал каждый период всхли-

⁸ Герцен А.И. Былое и думы // Собр. соч., Т. 9. С. 11.

⁹ Тургенев И. С. Воспоминания о Белинском // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М., 1977, С. 486.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века / A Subject out of Supervision in Russian Biographies of the XIXth Century |

пыванием ...»¹⁰; «Сморкался и кашлял он чрезвычайно громко и неизящно. Вечно бывал он нервно возбужден или в полной нервной атонии и расслаблении»¹¹. В-третьих, дается внутренняя оценка его личности, признающая красоту его души, нравственные качества, преданность убеждениям, риторическое превосходство и т.д.: «Это был факир, или, нет, лучше того, это был жрец своего искусства!» (И. И. Лажечников); «Я не видал глаз более прелестных, чем у Белинского» (И. С. Тургенев); «мощная гладиаторская натура, сильный боец» (А. И. Герцен).

Личность Белинского репрезентируется в биографических текстах как уникальная в своей экспрессивности целостность, прорывающаяся сквозь «кожу» сложившейся телесно-поведенческой культуры и сквозь поверхностный «светский» взгляд, требующий не переходить границы отстраненного самовыражения.

Светская культура с ее театральной отстраненностью и салонными декорациями в России первой половины XIX века была своего рода уступкой дворянскому сословию в обмен на его подчинение патерналистскому контролю власти. Этот контроль предполагал беспрекословную искренность перед «всевидящим оком» императора или институциональным воплощением этого ока в виде тайной канцелярии. Сам режим коммуникации с персоной сакрализованной власти строился на исключении какого-либо несовпадения между высказыванием и внутренним содержанием личности. Именно так вело себя большинство декабристов на допросах – как паства на исповеди перед духовным отцом, дающая полный отчет в своих преступных помыслах и раскаивающаяся в преступлениях.

Тем показательнее сюжет из жизни М. А. Бакунина, когда он был заключен в Петропавловскую крепость в 1851 г. и по требованию

Николая I написал покаянный документ, известный как «Исповедь»¹². Император требовал, чтобы Бакунин исповедовался перед ним, как перед духовным отцом. Рукопись объемом более 90 страниц, заполненная убогим почерком анархиста, представляет подробное описание его умственных и нравственных исканий с полной инверсией прежних убеждений: запад обвиняется в «безверии», революционные идеи объявляются «преступлением» и «развратом сердца и ума». В письмах, переданных Бакуниным из крепости, он объясняет, что раскаяние было образцом притворства, рассчитанного на определенную цель – «подурачить врага»¹³.

Биографическая саморепрезентация Бакунина рисует фиктивную идентичность, признающую авторитет «царя», чтобы полностью скрыть подлинную («подлинная идентичность», в свою очередь, может быть самооправданием для «своих» или для самого Бакунина) и таким образом достичь своей цели – избежать смертной казни.

Другой случай «репрессивной биографии» демонстрирует пример негативной саморепрезентации – открытой манифестации своей непроницаемости для внешнего надзора. Ф. М. Достоевский в следственных показаниях по делу петрашевцев пишет, что предъявляемые обвинения в вольнодумстве и революционном заговоре, не способны описать ни характер кружка Петрашевского, ни его собственные слова и умозрения. Он буквально подчеркивает неуловимость своей личности для языка доносов и обвинений: «Кто видел в моей душе? Кто определил ту степень вероломства, вреда и бунта, в котором меня обвиняют?.. Не припомню, чтоб я когда-нибудь высказался *весь, каков я на самом деле* у Петрашевского... никакой донос не заставит меня быть другим, чем я на самом деле»¹⁴. В последней фразе отрицается перформатив-

¹⁰ Лажечников И. И. Заметки для биографии Белинского // В. Г. Белинский в воспоминаниях современников. М. 1967, С. 49.

¹¹ Кавелин К. Д. Указ. соч., С. 181.

¹² Бакунин М. А. Исповедь // Собрание сочинений и писем. Т. 4. М., 1935.

¹³ Там же, С. 14.

¹⁴ Достоевский Ф. М. Объяснения и показания по делу петрашевцев // Полное собрание сочинений. Т. 18. С. 120.

Андрей Анатольевич ИВАНОВ / Andrey IVANOV

| Субъект вне надзора в русских биографиях XIX века / A Subject out of Supervision in Russian Biographies of the XIXth Century |

ная, подчиняющая сила языка власти, не способного убедить его в собственной виновности.

Воспоминания о М. В. Петрашевском дают примеры того, как он использовал обе вышеозначенные стратегии саморепрезентации – фиктивную и негативную.

П. П. Семенов-Тянь-Шанский описывает в своих мемуарах, как на собраниях в доме Петрашевского обсуждалось создание словаря, построенного так, чтобы пройти цензурную проверку, а потом – после небольшой синтаксической обработки – опубликовать невозможные с точки зрения цензуры словарные статьи¹⁵. Проект такого текста воплощал в себе установку на неспособность института цензуры идентифицировать подлинную позицию автора, использующего фиктивную репрезентацию.

Негативная саморепрезентация практиковалась в своеобразном акционизме Петрашевского, прославившегося своими эксцентрическими выходками. Пример находим у того же мемуариста: «Один раз он пришел в Казанский собор, переодетый в женское платье, стал между дамами и притворился чинно молящимся. Черная борода и несколько разбойничья физиономия Петрашевского привлекли внимание квартального. – Милостивая государыня, вы, кажется, переодетый мужчина? – спросил квартальный. Милостивый государь, а мне кажется, что вы переодетая женщина, – ответил Петрашевский»¹⁶. В данном случае демонстративная гендерная трансгрессия, происходящая в религиозном пространстве, использована для того, чтобы дискредитировать мускульную идентичность представителя власти, а вместе с тем и патриархальный авторитет власти в целом.

Последним публичным перформансом Петрашевского стала его казнь на Семеновском плацу. Д. Д. Ахшарумов вспоминает, как после отмены в последний момент смертного приговора, когда начали заковывать в кандалы, Петрашевский выхватил у солдата молоток и стал сам заколачивать себе гвозди: «Что побудило его накладывать самому на себя руки, что он хотел выразить тем – трудно сказать, но мы были все в болезненном настроении или экзальтации»¹⁷. Предыдущий случай наталкивает на мысль, что, возможно, это такой же вызов монарху, устраивающему театральную постановку «казню-помилую»: а не переодетая ли вы женщина?

Итак, биография в русской культуре середины XIX века отражает становление дискурса автономной личности, противопоставленной окружающим социальным условиям и традиционнопатерналистским ограничениям. Жизненные ценности и траектории героев биографий не вмещаются в сословно-профессиональные рамки, а их социальная значимость репрезентируется через освоение новых, динамичных и нестандартизируемых ролей (например, «коммуникативного центра» или «властителя дум»). Индивидуальные особенности героев представлены в контексте их оппозиции нормам дворянской культуры, бюрократической среды и т.д. В ответ на патерналистское требование прозрачности в «репрессивных биографиях» появляются фиктивные биографии или негативные репрезентации субъекта, заявляющего о своей непроницаемости для перформативного субъектобъектного надзора. При чем, происходит это не только в биографических текстах, но и в повседневных практиках героев.

¹⁵ Семенов-Тянь-Шанский П. П. Детство и юность // Русские мемуары. Избранные страницы. М., 1990. С. 491.

¹⁶ Там же, С. 489.

¹⁷ Ахшарумов Д. Д. Записки петрашевца // Русские мемуары. Избранные страницы. М., 1990. С. 548.

